

САШКИНА ПРОМАШКА

Юрий
Темирбулат-Самойлов

18+

Юрий Темирбулат-Самойлов

Сашкина промашка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69174994

SelfPub; 2023

Аннотация

Маленькая история-картинка из русской жизни, которая могла произойти в любые времена в любом уголке страны. Беспредельная (в извечном опять же, а не в современно-криминальном контексте) простецкая доброта, бескорыстное до наивности гостеприимство обычного русского деревенского мужика, неизбалованная бытовой роскошью, «устрицами да шампанскими ресторанными», а еще и (чего греха таить) в силу регулярного пьянства «благоверного» своего – мужской лаской работающая и хлебосольная хозяйка – его типично русская красавица жена... И – какое внутреннее человеческое достоинство! Нероняемое несмотря ни на что. Какая реакция на не совсем, мягко говоря, красивое поведение случайного молодого «городского» гостя, которого приютили и обиходили как родного! Нет, не злой и не вороватый был человек этот «конторский» паренек. Просто в определенные жизненные моменты нутро каждого человека показывает себя в истинном свете вопреки его воле. Может, потому и простили?..

Содержание

Юрий Темирбулат- Самойлов Сашкина промашка

Инструктор райкома ВЛКСМ¹ Егор Пряников уныло брёл на исходе жаркого «комарющего» воскресенья по убогому, забытому дорожно-ремонтными и эксплуатационными службами, вконец раздолбанному подобию автодороги, значащемуся в казённых кадастрах как «шоссе местного значения».

Одну руку Егора отягощал набитый текущей рабоче-протокольной документацией и обязательной, согласно роду деятельности, к ежедневному прочтению свежей прессой – центральными, областными и районной газетами, популярными молодёжными журналами модный, но в теперешнем состоянии хозяина трудноподъёмный портфель-дипломат крокодиловой кожи. С кисти другой егоровой руки безжизненно, под стать его настроению, свисал на петле из тонкой сыромятной бечёвки полосатый деревянный «гаишный» жезл под жаргонным названием «шлагбаум». Такими «шлагбаумами» в те годы на более или менее оживлённых трас-

¹ Существовавшая в годы советской власти (вплоть до её упразднения в 1991 г.) массовая общественно-политическая организация – *Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи (комсомол)*

сах даже сугубо гражданским учрежденческим работникам, забредавшим по служебным надобностям в малознакомые места, ввиду вечной нехватки необходимых для дела штатных средств передвижения, иногда удавалось останавливать попутные машины. Но это в будни, и не на таком как сегодня глухом участке, который вряд ли и в самые наибоочие дни кишит автотранспортом. Тоска зелёная... а до Чуйского тракта ещё топать и топать, век бы его не видать...

Чарующее волшебство окружающего ландшафта – буйно-зелёная горная

тайга с её говорливыми речушками, юрко пробивающими свои извилистые пути в густых чащобах; со сказочной красоты озерами, каждое из которых имеет свой неповторимый цвет водной глади, с удивительно гармоничной разноголо-сицей невидимого невооружённому глазу птичьего царства и мелкого, а кое-где и крупного зверья – мало трогало сей-час душу штатного «проводника в молодёжные массы райо-на политики партии и правительства». Ещё бы! Попробуйте найти на земле человека, который возрадовался бы так без-дарно проведённому дню своего рождения. И не просто дню рождения, а юбилейному – двадцать пятому! Вся романти-ка первых месяцев эмоционально насыщенной жизни в этом неописуемо красивом, хоть и до удивления неблагоустроен-ном уголке родной страны, куда он распределился по окон-чании института, – коту под хвост.

Надо же! Ну почему именно в эту светлую, торжествен-

ную для Егора дату его обычно редко и мало пьющий начальник – первый секретарь райкома комсомола Пашка Солнышкин на пару со своим водителем Кузьмой с самого утра, неизвестно по каким причинам, скорее всего просто в честь погожего выходного дня, были уже достаточно пьяными, чтобы сделаться наглухо не выездными за пределы их ведомственного гаража, где они и «набулькались» до такого состояния?

Почему как раз накануне самая, пожалуй, идейно сознательная и дисциплинированная «боевая единица» их небольшого, но дружного и сплочённого коллектива – второй секретарь Нюра Горемыкина умотала на целый месяц в очередной отпуск, свалив на своего младшего по чину коллегу Пряникова все общественно-партийные нагрузки, «висевшие» на ней ещё и как на секретаре первичной парторганизации? И почему, как назло, именно в этот день по разнарядке райкома партии² райком комсомола оказался обязанным проконтролировать путём «прямого личного участия своих аппаратных сотрудников» плановый пересчёт скота в одном из отстающих

овцеводческих хозяйств – колхозе «Путь к коммунизму»?

У Егора до сих пор в глазах рябит при воспоминании о мельтешащих, нагло прущих напролом и громко, до рези в ушах, блеющих «мелких рогатых». Интересно, конечно, в

² Районный комитет Коммунистической партии Советского Союза – главный политико-руководящий орган района как административно-территориальной единицы в годы советской власти (1922-1991 гг.)

первый-то раз... но, как мучительно! В последней на сегодня животноводческой бригаде колхоза он уже еле держался на ногах от усталости. И надо же, напоследок судьба уготовила бедному Егору не просто наблюдение, а действительно, как предписывалось директивой райкома партии, «прямое личное участие» в пересчёте. Ему пришлось заменить собою старшего чабана, который на днях основательно запил, и по этой уважительной причине не мог сегодня что-либо делать вообще. А поскольку «засланный из района комсомол» оказался абсолютно неопытным в подобных делах, да к тому же, даже без учёта его крайней усталости, откровенно самым из присутствующих слабосильным физически, то и работёнка ему выпала, естественно, наиболее лёгкая – фиксировать результаты.

«Ну, начали!» – распределив роли, участники мероприятия поплевали на ладони и деловито приступили каждый к своим процедурным обязанностям.

Загодя загнанная в тесную тёмную кошару отара в тысячу с лишним голов со всей своею тупой бараньей энергией рвётся наружу. Колхозный зоотехник и, к счастью, оказавшийся сегодня трезвым помощник запившего чабана – стоят на смерть в воротах, удерживая приоткрытым лишь небольшой проём, сквозь который протискиваются на свободу взбудораженные вмешательством людей в их далёкую, пока волков рядом нет, от тревог и волнений повседневную жизнь животные. Вооруженный блокнотом и карандашом Егор Пряни-

ков – под счёт зоотехника записывает. Пять голов – наклонная палочка в блокноте. Ещё пять – на эту палочку под наклоном в другую сторону налагается следующая. Получается крестик, означающий римскую цифру «десять». Есть десяток голов. Десять крестиков – сотня. Следующий ряд из десяти крестиков – ещё сотня. Боже, просто-то как! Десять рядов – тысяча голов.

Пару десятков лишних овечек, выявленных пересчётом, зоотехник объяснил «комсомолу» Пряникову тем, что чабаны обычно содержат в колхозных отарах понемногу своих овец. И, своими же гасят происходящие время от времени недостачи поголовья, если те случились из-за допущенного по халатности чабанов падежа или не объяснённых внятно исчезновений скота. Перерасхода кормов практически не бывает, так как не менее половины календарного года скот пасётся на естественных пастбищах, потребляя в основном более или менее обильный подножный корм. То есть, отрасль традиционно широко и продуктивно используют местные природные условия, благоприятные для отгонного животноводства.

С серьёзным видом кивая в ответ на эти объяснения, горожанин в седьмом поколении Пряников мало что понимал из услышанного. А если б даже и понимал хоть чуть больше, то всё равно в сегодняшнем его душевном состоянии вряд ли смог бы полноценно воспринять полученную информацию: до пользы ли для отечественного животноводства ши-

рокого использования естественных пастбищ, когда вот прямо здесь, сейчас собственный четвертьвековой юбилей горит синим пламенем!

Услышав оброненную собеседником фразу о дне рождения, зоотехник незаметно для него дал жестами команду, и не более чем через полчаса, пока составлялся и подписывался акт пересчёта, молодой юбиляр неожиданно для себя чуть не прослезился от тронувшего его душу зрелища – прямо на свежем воздухе был предельно оперативно накрыт экзотический для истого горожанина Егора обильный стол с угощением, вкуснее и сытнее которого он вряд ли мог припомнить из всей своей прошлой, доалтайской жизни.

Красовалась на этом столе, к удивительно разнообразному набору местных национальных закусок, а затем к подоспевшей чуть позже варёной-жареной-паренной бараньей свежатишке и традиционная водочка – стремительно входившая тогда в моду «Пшеничная» по пять двадцать за бутылку, от публичного, да ещё находясь, как говорится, «при исполнении», употребления которой официальный представитель такого серьёзного органа политической власти, как районный комитет комсомола, несмотря на особый для него лично день, однако, воздержался. Но, потом всё же не утерпел, и с удовольствием отведал уникальной алтайской народной, изготовленной из экологически чистейших молокопродуктов водки «арачка», которая пьётся так легко, ну, прямо, совсем как квас. От предложенного ему подарка в виде объёмно-

го бумажного свёртка с доброй половиной туши зарезанной считанные часы назад упитанной овцы вежливо, но твёрдо отказался – как бы ненароком не перешагнуть грань, за которой начинается недостойный советского идеологического работника путь к издоимству.

Отказался Пряников и от осёдланной для него в дорогу лошади с услугами всадника сопровождения, но уже не из опасения быть уличённым в корыстолюбии, а просто-напросто он резонно не желал «опрофаниться» – ведь верхом до этого никогда в жизни не ездил. Да и вообще, лошадей он побаивался не меньше, чем свирепых пастушеских собак. Однако, машины, к великому сожалению Егора, на этой чабанской стоянке, как, впрочем, и на многих других, не было – всем существующим на свете средствам передвижения местные животноводы испокон веку предпочитали её, простую неприхотливую алтайскую лошадь...

Ну, и ладно! До оживлённого даже в воскресные дни Чуйского тракта, по которому, в отличие от этой чёртовой междеревенской дороги, проголосовать в сторону райцентра не проблема, отсюда всего-то чуть более полудюжины километров. И вот он брёл...

Буквально разламывающая голову боль, усугубляемая не спешащим пока к закату и немилосердно жгущим сверху солнцем, мучила нестерпимо. Наряду с усталостью – ещё, видимо, и оттого, что ел сегодня он всё-таки мало: утром вообще не позавтракав по лениво-холостяцкой привычке, а

за чабанским столом – слишком уж увлекшись коварно-приятным пьянящим напитком. Как всегда, Егор с первых же глотков забыл, что даже качественный алкоголь всегда на чисто отшибал у него аппетит. Другие наоборот, чем больше пьют, тем усерднее налегают на еду, а у него, вот, всё не как у людей. А стол был так хорош! И причина воспользоваться бесхитростным радушным гостеприимством простых колхозников, пусть даже при исполнении им служебных обязанностей, была более чем уважительной – день рождения при почти полном отсутствии нарушений, выявленных в ходе проверки. Эх, головушка садовая! Не умеешь пить, так хоть поешь по-человечески... нет, лишний стакан спиртного дороже хорошей еды оказался уже не впервой по жизни.

Болезненные самотерзания Пряникова были неожиданно и бесцеремонно прерваны вмешательством извне: за его спиной, из-за только что пройденного им крутого поворота дороги послышался быстро нарастающий шум – цокот лошадиных копыт в аккорде с грохотом мчащейся телеги. Стоя на телеге во весь рост лошадюю правил, лихо размахивая свободным концом вожжи тщедушный, бесцветный лицом и волосом мужичонка, на голове которого была глубоко, до самых глаз насажена, видимо чтобы не снесло ветром, старая солдатская фуражка со звёздочкой. Одет он был в кургузый потрёпанный пиджачишко поверх ещё более бесцветной, чем сам хозяин, майки, в старые солдатские, как и фуражка, брюки-галифе и обут в домашние тапочки на босу

ногу.

– Н-но-о, сывая!

Поравнявшись с отпрянувшим на обочину Егором, мужичонка резко потянул вожжи на себя:

– Тпр-ру-у! Шагом, сывая, кому говорят!

– Здравствуйте! – вежливо поздоровался Егор.

– Здорово будешь, коль не врѣшь! Уморилси, однако? Городско-ой, сразу видать. Ну, седай, если хошь, подвезу докеда-нибудь. Давай сидор твой да палку, поколь не растерял.

– А вам по пути? – Егор положил на край телеги «дипломат» и «шлагбаум», но сам, разминая затѣкшие члены, шёл пока рядом. Хотя «шёл», пожалуй, громко сказано. Вернее будет «тащился». – Мне ведь далеко надо: до Чуйского, а там, наверное, на попутке до райцентра.

– Ой, сумлеваюсь я, сынок, что с такого устатку стоит тебе сѣдни до райцентру тужиться, – критически оглядел мужичок и впрямь чуть живого от усталости ходока.

– Плохо выгляжу? – ходоком была предпринята попытка изобразить самокритичную усмешку. Получилась жалкая гримаска.

– Солнышко скоро сядет, – дипломатично ушёл от чисто-сердечного прямого ответа лихой возчик, – а на тракту ноченькой тёмной какой только злыдень не норовит встренуть одинокого да усталого. Не каженный, конечно, путник шибко пострадамши от энтих злыдней бывает, но... всяко, в общем, случается.

– И что вы предлагаете, чтобы от дорожных «злыдней» не пострадать мне нынешним вечером? – насколько мог иронично отмахнулся от смешных фантастических предположений мужичонки готовый и на самом деле свалиться от усталости Егор.

– А, ничё! Тут, в версте всего отседова, моя деревня. Банёшку не гарантирую – мне уже вот-вот на ферму ночным скотником заступать, – но... миску щей да корчагу молока уж как-нибудь нашкрёбём. Да и, стопарик огненной перед сном вряд ли помешает. Правда, баба моя страсть как игнорирует энто дело, но уговорим, выделит городскому гостю.

Слова «баба» и «ночным скотником заступать» чудесным образом приподняли обратно так упавший было жизненный тонус хандрившего почём, оказывается, зря Егора: не так уж горька на самом деле судьба сотрудника провинциальных комсомольских органов, и не совсем скучно может закончиться этот юбилейный денёк. Сельхоз-навоз-экзотика продолжается! И он, с удовольствием ощущая, как начала куда-то вдруг улетучиваться головная боль, послушно забрался на телегу.

– А утречком вернусь с фермы, провожу до Чуйского. А, может статься, председатель, или ещё кто из нашего начальства в район навострится на машине или на мотоцикле. Глядишь, и успеешь на службу без опозданий.

– Это было бы совсем здорово.

– Куды, как не здорово! Ты ведь, глядя по виду, контор-

ский? А в конторах порядка, говорят, строгие. Лучше уж не опаздывать.

– Конторский... – небрежным тоном, как бы отмахиваясь, подтвердил Егор, которому не очень хотелось сейчас заострять внимание этого простодушного человека на своём неравном по отношению к нему общественном положении. Зачем провоцировать ненужную скованность, которая может возникнуть в поведении добрых деревенских жителей от осознания какой ни есть, но разницы в их с гостем социальном статусе?

– Ну, вот и прибыли. Тпру-у, сывая! – осадил кобылу мужичонка, как только телега поравнялась с крайней избой уютной таёжной деревеньки. – Мару-у-сь! Где ты? А ну-ка, встречай гостей, товарищ вот, из району, командировошный, приустал малость. Заночует у нас, постели ему в горнице. Да налить не забудь маленькую к ужину! А мне пора на ферму, погнал я... да гляди, Маруська, не урони меня перед районом, отчёт стребую по высшей мере! Н-но, сывая!

– Ладно уж, высшая мера, не урони только сам себя на обратном пути с телеги! Знаю я вас с Ерофеичем... – беззлобно парировала приказной тон промелькнувшего как мимолётное видение мужа привлекательная добродушная женщина, появившаяся на крыльце.

– За что вы его так? – не удержался от восторженной улыбки Егор, украдкой обшаривая взглядом ладную фигурку Маруси. Остатков головной боли как не бывало.

– Знамо, за что. Фляги как-то молочной недосчитались на ферме, а когда потом нашли, в ней оказалась готовая брага. Как выяснилось, это мой со сменным скотником Ерофеичем приспособились. А я думаю, чего это он как с работы, так – в стельку? И главное – денег не просит на выпивку.

– Что ж, голь на выдумку горазда, – ещё шире улыбнулся и тут же испуганно осёкся Егор: оскорбится ведь хозяйка на это уничижительное «голь»! – Я, это, хочу сказать, сермяжная народная, эта самая...

– Пойдём-ка, сермяжный, умоешься и – за стол. Оголодал, поди? –

Маруся подала Егору свежее полотенце.

– Да не то, чтобы... – промямлил гость.

– Неженатый, видать? – окинула ироничным взором хозяйка угловатую фигуру Пряникова, судя по худосочности которой не дружившего со спортом и вряд ли знакомого с регулярным физическим трудом. – Наши-то, ясно дело, худые с пьянки. А вот вас, городских холостяков, чувствуется, явно недокармливают. Кто-то хоть готовит?

– Ну, в столовой в обед. Кофе утром сам себе варю, яичко, бутерброд...

– Кофе... яичко... ой, горе-е. Даже молока парного боязно тебе дать. Один такой у нас как-то гостил, молочка из-под коровки свеженького попробовал, так пронесло его страшенно, из уборной сутки, считай, не вылезил. Привыкли в городе жижу из порошка, да ещё на хлорной воде разведён-

ного, хлебать заместо цельного деревенского... и детей поэтому таких же хилых делаете.

– Ну, насчёт детей это ещё посмотреть...

– Ладно, герой, рискни вот холодненькой простоквашки пока – только что из погреба; а я сейчас мигом на стол соберу.

...Ужин удался на славу. Егор и не ожидал, что может столько употребить вовнутрь единовременно. Только настоящая деревенская «яишня» чего стоила! Поданная на стол прямо в огромной чугунной сковороде, шкворчащая полтора десятками ярких желтков наполовину с щедрых размеров кусками свиного сала, она одна способна была зараз накормить как минимум половину академической группы вечно голодных студентов. А такая же настоящая деревенская сметанка, в которой воткнутый нож стоит как в сливочном масле, а само такое же свежайшее деревенское маслице, а запечённая в духовке гусятинка, а разносолы! Он споро уплетал за обе щеки всё подряд и млел...

Не менее великолепной, чем закуска, оказалась и «огненная» плодово-ягодная настоечка, коей Егор успел опрокинуть уже не один «стопарик», пьянея, однако, при этом медленнее, чем обычно, ещё и впервые в жизни без утраты аппетита. Рай, да и только!

– А вы, уважаемая хозяйюшка, почему совсем не пьёте? – не переставал улыбаться счастливый Пряников, видя, как Маруся скромно лишь пригубляет, в очередной раз чокнув-

шись с ним, свою чарку.

– Дак, мне ж корову с тёлкой к пяти утра выгонять. Пастух Киреич у нас строгий, ждать не будет. И подоить Бурёнушку перед этим. Да корму задать остальной животинке, птицу гулять выпустить. Не-ет... нам, «хозяюшкам», тучочки забываться нельзя. Это у вас в городах никаких забот. Ты ешь, ешь, сынок, не стесняйся! Только вот пить бы тебе поменьше, а то к зрелым-то годочкам вместо налива силёнки сойдёшь на нет, как некоторые наши...

– Ничего себе, сынок! Ну, какой я вам сынок, Марусь? Да мы ж с вами с виду самая что ни на есть ровня.

– Так уж и ровня?

– А что? Вы знаете, сколько мне сегодня исполнилось?

– Так ты у нас ещё и именинник? Ну и сколь же, коли не секрет?

– Не секрет. Двадцать пять! Целая четверть века за плечами, а вы: «сыно-ок»...

– Солидный возраст, – усмехнулась хозяйка, – хотя выглядишь моложе.

– Понимаю, Марусь, для мужчины, в отличие от женщины, «молодо выглядишь» не всегда комплимент. Конечно, для той же общественно-политической солидности хотелось бы выглядеть постарше. Но...

– Не торопись. Сам не заметишь, как тосковать начнёшь, оглядываясь на прожитые годочки. Радуйся-ка, лучше, жизни в полный рост, пока молодой да здоровый.

– А я и радуюсь по мере возможности! Вот прямо сейчас, за этим столом сижу и наслаждаюсь жизнью.

– Да чего ж здесь-то, в нашей простоте сельской, наслаждаться? Стол как стол, обыкновенный крестьянский ужин... Устрицами-крабами ресторанными, которых только в кино и видим, да шампанскими-шоколадами, на которые свободных денег не к каждому празднику выкроить можем, мы, извини уж, не избалованы. Что сами сумели заготовить с огорода, да из лесу, тому и рады. И тем только и можем попотчевать гостя.

– Ну, нет, Марусь! Здесь вы неправы. Такого чудесного угощения я отродясь не пробовал. И не знаю, когда ещё доведётся. Да у вас же золотые руки!

Егор перегнулся через угол стола к хозяйке, взял её за оба запястья и,

пока та успела, среагировав, отдёрнуться, сумел всё же поцеловать обе пухлые, грубоватые от повседневной нелёгкой работы, но не утратившие ещё природной красоты ладони.

– А ну-ка сядь, ишь, приткий какой! – строго пресекала чересчур уж душевные порывы гостя зардевшаяся, однако же, Маруся: хоть и блуд это постыдный миловаться с посторонним мужиком, но, похоже, рук ей до этого не целовали никогда в жизни. – Лучше угощайся, давай, поплотнее, а то действительно, неизвестно когда ещё поешь по-человечески.

– Марусь, я же от всей души, без всякой задней мысли! Ну, простите, если вас даже такие безобидные знаки внима-

ния обижают. А руки у вас и на самом деле золотые, осознаёте вы это или нет. Да неужели вам этого никто никогда не говорил? Убейте, не поверю!

– Так мы ж люди простые. Не до интеллигентских замашек нам. Иначе на работу в колхозе да на домашнее хозяйство никакой охоты не останется.

– Ну, нельзя же только одной работой жить! Надо и жизни радоваться, причём «в полный рост», как вы сами только что правильно заметили.

– Думаю, своё мы уже отрадовались. Вот у детишек наших многие человеческие удовольствия, слава Богу, ещё впереди. Им и карты в руки.

– А где они, ваши наследнички? Гуляют, играют на свежем воздухе?

– Сын в армии служит. Дочка уехала в город, в институт поступила.

– У вас уже взрослые дети?! Вот бы не подумал...

– А что ты подумал бы?

– Ну, теперь не знаю...

– Муженьку моему полтишок недавно отметили. Всем колхозом нашим

праздновали. Медаль ему за трудовую доблесть в честь юбилея вручили, гуляке этакому.

– «Гуляке», вы имеете в виду...

– Пьянку и имею в виду. А по развратному от меня загулять у него мощонок жидковато уже.

– Да-а... разница в возрасте супругов – штука серьёзная.

Ой, да нет у нас особо-то никакой разницы. Ты потрезвее на меня погляди, без городских ваших дипломатий.

– Ну, если бы вы не сказали, что сын в армии, ни за что б не поверил, что вам к сорока. Невероятно!

– Всё вероятно. Считалочку «бабий век – сорок лет» я уже, милоч, перескакнула. И не сегодня, а пораньше.

– Так есть и другая считалочка, уверяющая, что не только у ваших детей, но и лично у вас лучшее ещё впереди. Ведь в сорок пять, например...

– Баба ягодка опять? – с грустной усмешкой додекламировала заезженную «истину» Маруся. – Или «в сорок семь – ягодка совсем»? Нет, голубчик, на деревне баба – не ягодка, а тягловая лошадь. И захотела бы какая из нашенских чуток попотешиться перед тем как из лошадки в клячу совсем уж превратиться, да деревня – не город. Так что, ложись-ка, дорогой товарищ «без задних мыслей», спать-почивать. А то вставать рано тяжеленько будет...

– Мару-усь!

– Ложись, ложись. Утро вечера мудренее.

– Маруся...

– Пойдём, постель покажу, – хозяйка встала из-за стола и прошла в «горницу».

– Ну, неужели?.. – поплёлся следом Егор, изнывающий от нахлынувшего

на него целого букета так сладко волнующих душу и тело

чувств к этой женщине, желанней которой для него сейчас не было на всём белом свете.

– Что «неужели»? – внезапно повернулась она ему навстречу.

Столкнувшись с Марусей, Егор тут же страстно обхватил её руками, стремясь попасть поцелуем в губы. И – отлетел в сторону кровати.

– Не балуй, прошу тебя.

– Ну, Марусь...

– Не всякая женщина – шалавая. Даже если ей чего-то и не хватает по

жизни. Спокойной ночи.

– Спокойной... – судорожно сглотнул Пряников и понуро полез в указанную ему постель.

Заснуть этой «спокойной» ночью он так и не смог. Уже под утро, слыша, как тяжело ворочается, тоже, по видимости, страдая бессонницей, всего в нескольких шагах за дощатой межкомнатной перегородкой Маруся, Егор окликнул:

– Марусь, а где у вас тут туалет?

– С крыльца направо, за углом.

Егор вышел во двор. Занималась алая летняя заря. Скоро по деревне потянется стадо на пастьбу. А ещё раньше Маруся встанет на первую сегодня дойку своей Бурёнки и раздачу корма прочей скотине, выгнать на вольный нагул жира гусей-уток. А потом явится с дежурства её муж... и – всё!

Потянувшись, встряхнувшись, он решительно направился

в дом. Маруся была уже в сених. Неизъяснимо приятно пахнувшая остаточным от мягкой постели теплом, уютная как весь её дом и вся деревня, такая притягательная в своей светлой тонкой полотняной сорочке, с распущенными по округлым плечам тяжёлыми русыми волосами!

– Маруся, а... ну, хотя бы в честь дня рождения... можно хоть скромный, хоть чисто символический поцелуй? Клянусь, не буду хулиганить! Ну, пожалуйста! Умоляю... – голос его дрожал.

Что-то, видимо, шевельнулось в душе женщины. То ли – извечная простонародная жалость к чужому страданию, то ли – непредсказуемо взбурлившая кровь переборола здравый рассудок, но она вдруг шагнула навстречу Егору и взяла его голову в ладони. Молодой человек, обезумев от радости, жадно обнял Марусю. Та ласковым, но исключаяющим всякие возражения тоном прошептала:

– Уймись, я сама!

Егор замер, отдаваясь полностью в её власть.

Маруся, чуть касаясь тела голого по пояс Егора своею пышавшей здоровьем, всё ещё упругой грудью, распиравшей готовую вот-вот лопнуть сорочку на ней, не выпуская из своих ладоней Егоровой головы, очень-очень нежно притронулась своими губами к его губам, медленно, аккуратно обцеловала их по кругу. Затем так же неспешно, заставляя молодого страстолюбца стонать от возбуждения, обцеловала его лицо и вновь вернулась к губам. Егора колотило, он чуть не вы-

прыгивал из остатков своей одежды, но не смел шевельнуться, боясь спугнуть момент такого очарования.

Неожиданно по телу Маруси пробежала дрожь. Она обвила шею Егора обеими руками и плотно прижалась к нему вся.

Задышающийся от переизбытка чувств и нехватки воздуха Егор приоткрыл было рот, чтобы вздохнуть и произнести что-нибудь ласковое, но не успел даже пикнуть: губы его тут же были взяты в плен классическим «настоящим» поцелуем – крепким, горячим, откровенным и страстным.

Вряд ли способен был сейчас Егор трезво соображать, а тем более о чём-то серьёзно рассуждать. Но его мужское естество, улетая от счастья куда-то в небеса, убеждено было в одном: из всех доступных смертному земных наслаждений, оказывается, ни одно на свете не может даже близко сравниться с настоящим поцелуем настоящей русской женщины. Поцелуем не купленным, не по супружеской обязанности или по родственному ритуалу, не в услужение и не в знак благодарности за что-то, а вот так... потому что захотела. И с сего момента Егор готов всю свою оставшуюся жизнь бескомпромиссно отстаивать эту точку зрения.

– Ну, побаловали, и будет! – мягко оттолкнула от себя Егора Маруся. – Хорошего по чуть-чуть. Деревня просыпается уже вовсю. И нам пора.

Однако физиология молодого мужчины, только что ошастливленного, пусть и сводящей с ума, но всё-таки не доведённой до логического завершения лаской, не совсем раз-

деляла возвышенных чувств парящей где-то в облаках души и была категорически не согласна с такой концовкой рандеву. Ох, как жадна натура человеческая...

– Ну, Марусенька! Ещё разочек! Хоть на минутку приляжем... – Егор вцепился в тело женщины как утопающий в ускользающий из его рук спасательный круг. – Ну, давай, сладкая моя... успеем!

И вдруг, словно обухом по голове прямо из-за спины:

– Ить!... вашу мать! Это как же это? А?

Егор оцепенел. От столь горькой горечи пополам с глубочайшим изумлением в знакомом со вчерашнего дня голосе по его коже пробежал настоящий мороз. В испуге съёжив плечи и боясь сделать малейшее движение, чтобы оглянуться назад, он явственно представил себе следующую картину: разъярённый, смертельно оскорблённый такой вопиющей подлостью гостя муж Маруси порывисто снимает с гвоздя на стене старенькое ружьишко. Преломив ствол, убедившись в наличии в нём заряженного патрона и взведя курок, командует: «А ну, поганец, выходи, топай за поскотину и – к стенке! Чё, не так приветили тебя, иль жёстко спать постелили? Так надо ещё и бабу хозяйскую понасильничать? Получай!» Раздаётся выстрел...

Стыдно умирать в такой позорной ситуации. Да и страшновато, вообще-то, независимо от ситуации. Ведь двадцать пять годков только-только отметил. Отыбюбилейничал, называется.

К неожиданной, не совсем, правда, полноценной, даже противненькой, гаденькой радости-недоумению Егора ничего подобного не произошло. Маруся, закрыв лицо руками, на несколько мгновений застыла в ступоре, но – хозяйство есть хозяйство, – заставила себя очнуться, и медленными шагами вслепую пошла на задний двор, откуда уже доносилось призывное мычание коровы, ждущей с полным выменем привычной утренней дойки. А муж Маруси потерянно стоял, неуклюже опустив не знающие куда себя девать руки, и молча плакал.

– Пожалуйста, простите, если можете... – никогда в жизни до этого Пряников не чувствовал себя так мерзко. – Ну, сволочь я пьяная, ну, ударьте меня!

– Так, ведь, пьяным-то кто из нас не бывает... а ударять тебя я побрезговаю, – был уничтожающе презрительным ответный сказ мужика.

– Нет, ударьте!

– Бери-ка, лучше, свои манатки, да ступай к телеге. А я схожу в глаза Маруськины гляну.

– Жена ваша ни в чём не виновата...

– А вот в ней-то, господин городской, я как раз ни граммочки и не сумлеваюсь, – вскинулся подбородком мужик и тут же недоуменно пожал плечами. – Но как она тебе, пакостнику, башку не располовинила сразу, не пойму.

– Может, и проломила бы мою дурную башку, если б не

день рождения.

– Какой ещё день рождения? – в совсем-совсем чуточку успокоившемся голосе хозяина дома едва заметно промелькнуло что-то похожее на слабое желание если уж не простить, то хотя бы не нарушить слишком грубо элементарных законов гостеприимства и без кровопролития, по возможности мирно выпроводить хоть и наипоследнего распаскудника, но всё же собственноустно приглашённого гостя.

– Двадцать пять мне вчера стукнуло, юбилей между прочим, а день тяжёлый выдался. Вот я с устатку да с расстройством и опьянел сильнее обычного. А с пьяни что, никто не чудил никогда?

– Двадцать пять, говоришь... и можешь пачпорт показать? – природная простецкая доброта предательски всё подталкивала и подталкивала мужика к извечному компромиссному «а, может, и в самом деле не со зла это всё».

Паспорта с собой у Егора не оказалось, и лихорадочно дрожащими руками он поспешно вынул из кармана брюк служебное удостоверение, суетливо подал его мужику.

Взяв в руки тёмно-красные корочки с золотой тиснённой надписью на обложке, тот повертел их в руках, но раскрывать не стал: что толку, ведь в удостоверениях возраст не пишут, а имя, фамилия и должность гостя ему были изначально мало интересны. Тусклым голосом пробормотав: «Садись, поехали, комса хренова», он зашёл на минуту в дом и, вернув-

шись, с разгону запрыгнул на телегу. Взяв в руки вожжи, стоя во весь рост, как и вчера в момент первой их встречи, но заметно менее залихватски крикнул:

– Н-но, сывая!

– Так вы меня прощаете? – заискивающе спрашивал много раз подряд Егор по пути до Чуйского тракта, и всякий раз натыкался на полное молчаливое равнодушие собеседника.

И уже когда приехали, он, спрыгнув на землю, услышал, наконец, желанное:

– Еслив, токо... в честь дня рождения. Что с городского возьмёшь...

– Совсем-совсем, всерьёз?

– Совсем. Наполовину даже хвост собаке не рубят.

И только тут Егор вспомнил, что и сам так и не представился хозяевам хотя бы по имени, и не знает, как зовут этого невероятно в наши времена человеческого человека, имевшего полное право как минимум хорошенько поколотить непутёвого гостя, но, похоже, действительно готового великодушно простить его.

– А как вас хоть зовут-то?

– Меня? Ну, Сашка.

– Александр, э-э... а по батюшке?

– Да ладнеть! Сказано, Сашка, и – нормалёк.

– Спасибо вам... счастливо, э-э... Саш!

– Н-но-о, сывая!